

СТИМУЛЫ И АНТИСТИМУЛЫ РОСТА ЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОМ СЕКТОРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**Сергей Рудольфович МУРАВЬЕВ**

кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных, экономических и управленческих дисциплин,
 Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Астраханский филиал,
 Астрахань, Российская Федерация
 smuraviev@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4398-8381>
 SPIN-код: 3637-3145

История статьи:

Рег. № 294/2021
 Получена 17.05.2021
 Получена в доработанном виде 28.05.2021
 Одобрена 09.06.2021
 Доступна онлайн 29.06.2021

УДК 334.02; 334.72
 JEL: H32, M21, O15, O17

Ключевые слова:

малое и среднее предпринимательство, меры поддержки, антистимулы

Аннотация

Предмет. Особенности влияния мер государственной поддержки на динамику и структуру занятости в российском секторе малого и среднего предпринимательства

Цели. Определение факторов и условий, оказывающих стимулирующее и ограничивающее влияние на изменение показателей занятости в секторе малого и среднего предпринимательства.

Методология. Гипотеза исследования заключается в том, что изменение масштабов официальной занятости в среднесрочном периоде определяется факторами внешней среды ведения бизнеса и соотношением выгод и затрат деятельности в неформальном секторе. Для проверки гипотезы проведен сравнительный анализ результатов научных исследований, данных Федеральной налоговой службы, обследований субъектов малого предпринимательства. Использована классификация методов регулирования предпринимательской деятельности по мерам поддержки и по стимулирующим инструментам прямого и косвенного влияния.

Результаты. Анализ в целом подтвердил гипотезу и позволил выявить факторы динамики и реструктуризации занятости. В 2016–2019 гг. недостаточный рыночный спрос и высокая степень риска повлияли на динамику численности работников малых и средних предприятий сильнее, чем косвенные эффекты от мер государственной поддержки. Инструменты государственной политики, которые оказывали стимулирующее влияние на занятость, были адресованы преимущественно индивидуальным предпринимателям и самозанятым. Анализ антикризисного регулирования показал, что в 2020 г. правительство использовало новые инструменты стимулирования и поддержки занятости, которые подтвердили свою результативность. Сочетание факторов спроса и налоговых стимулов в среднесрочном периоде будут определять динамику занятости в сфере индивидуального предпринимательства, самозанятости и на микропредприятиях.

Выводы. Представляется реальным достижение к 2024 г. национальной цели по численности занятых в секторе малого и среднего предпринимательства, включая самозанятых. Это возможно за счет действующих мер стимулирующего характера и антистимулов к деятельности в неформальном секторе экономики.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Муравьев С.Р. Стимулы и антистимулы роста занятости в российском секторе малого и среднего предпринимательства // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2021. – Т. 20, № 6. – С. 1151 – 1176.
<https://doi.org/10.24891/ea.20.6.1151>

В 2007 г. вступил в силу Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 209-ФЗ), закрепивший критерии идентификации, цели и формы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). В соответствии с законом к субъектам МСП относятся юридические лица и индивидуальные предприниматели, а категории субъектов различаются, в том числе по критерию предельной среднесписочной численности работников. Для малых предприятий предельное значение составляет 100 чел. (с выделением микропредприятий до 15 чел.), для средних предприятий – 250 чел. Что касается самозанятых граждан, зарегистрированных в качестве плательщика налога на профессиональный доход (далее – НПД), то формально они не входят ни в одну из категорий субъектов МСП, но новая ст. 14.1 Федерального закона № 209-ФЗ фактически приравнивает их к особой категории, определяя схожие с другими субъектами условия получения государственной поддержки.

Согласно одной из точек зрения, до 2015 г. изменений в основах регулирования МСП не происходило потому, что правительство связывало развитие российской экономики с развитием крупного бизнеса [1, с. 168].

Начало поэтапному реформированию системы поддержки и развития МСП было положено Указом Президента Российской Федерации от 05.06.2015 № 287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства», утвердившим создание Федеральной корпорации по развитию малого и среднего предпринимательства в качестве института поддержки МСП с многочисленными функциями. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 № 1083-р была принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года (далее – Стратегия развития МСП). На период с 1 декабря 2016 г. по 1 марта 2019 г. был разработан приоритетный проект «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», а в конце 2018 г. утвержден национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (далее – национальный проект), реализуемый посредством государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика».

За приведенным перечнем новых приоритетов и элементов системы поддержки скрываются определенные причины акцентированного внимания Правительства

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ.

Российской Федерации к сектору малого и среднего предпринимательства. Эта часть бизнеса может рассматриваться в качестве незадействованного фактора социально-экономического развития России в условиях снижения темпов роста экономики после 2012 г. Развитый малый и средний бизнес, как показывает опыт зарубежных стран, выполняет разнообразные функции, повышающие эффективность региональной и национальной экономики [2, с. 46].

Однако существует значительное расхождение между потенциальной и фактической ролью российского сектора МСП, и подтверждение этого тезиса содержится в положениях раздела II Стратегии развития малого и среднего предпринимательства (далее – Стратегия), признающих отсутствие должного внимания к специфике деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, увеличение фискальной и административно-контрольной нагрузки, провоцирующей рост неформальной занятости².

Дополнительные меры поддержки предпринимательства в Стратегии обосновываются через демонстрацию «проигрыша» показателей развития МСП в России аналогичным показателям развитых и ряда развивающихся стран. Например, подчеркивается, что структурные характеристики развития МСП отличаются деформацией по сравнению с другими странами: численность индивидуальных предпринимателей и микропредприятий составляет 96,5% от общего числа субъектов МСП при абсолютно низком значении числа средних предприятий.

В Стратегии не приводятся сопоставимые с зарубежными странами показатели занятости, возможно, потому, что сопоставление численности занятых в секторе малого и среднего предпринимательства в России и зарубежных странах основано на несовершенных методиках [3]. Но в любом случае, оценивается ли доля работников малых и средних предприятий в общей численности занятых или в среднесписочной численности работников организаций (в 2018 г. – 38%), она ниже аналогичного показателя для стран ОЭСР. Так, удельный вес работников малых и средних фирм в численности работников всех фирм в США составляет 41,6%, во Франции – 63,3%. Вместе с тем занятость и число фирм в российской сфере малого и среднего предпринимательства недооценена из-за наличия обширного теневого сектора [3, с. 64].

Реформированная система регулирования деятельности субъектов МСП на практике воплотилась в конкретных мерах поддержки, нацеленных на достижение перспективных результатов в области занятости, экспорта, количества субъектов, производительности труда. Предмет статьи уже и предполагает анализ влияния инструментов поддержки на показатели занятости в секторе МСП. Для этих целей

² Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»): распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 № 1083-р.

используем имеющуюся в научной литературе [4, с. 8] классификацию этих инструментов по формам поддержки, которая разделяет их на финансовые и нефинансовые меры.

Нефинансовые меры поддержки включали в себя различные направления.

Финансирование развития инфраструктуры поддержки субъектов МСП активно осуществлялось с 2005 г., но с 2015 г. средства федерального бюджета стали выделяться бюджетам субъектов Российской Федерации в соответствии с задачами привлечения внебюджетных источников для увеличения промышленных парков и технопарков, агропромышленных парков, создания центров «Мой Бизнес», центров поддержки экспорта, инновационных и логистических кластеров. Кроме того, реализовывались меры по созданию электронных сервисов обеспечения участия субъектов МСП в закупках, цифровых платформ для поддержки их производственной и сбытовой деятельности. Региональными гарантийными фондами предоставлялись гарантии (поручительства) по обязательствам субъектов малого и среднего предпринимательства при заключении договоров займа и лизинга.

Другое направление – смягчение административно-контрольной нагрузки – заключалось в отмене в период 2016–2018 гг. плановых проверок, за исключением проверок субъектов малого и среднего предпринимательства в некоторых определенных видах деятельности.

Финансовые меры так или иначе были связаны с налоговыми расходами по предоставлению различных льгот.

В сфере снижения налоговой нагрузки следует отметить ряд изменений в законодательстве с 2015 г., касающихся прав регионов:

- устанавливать нулевую ставку налога по упрощенной системе налогообложения или патентной системе налогообложения на два года для индивидуальных предпринимателей, впервые зарегистрировавшихся, и осуществляющих деятельность в производственной, научной и социальной сферах (в дальнейшем список сфер был расширен);
- снижать ставку единого налога на вмененный доход (ЕНВД) и ставку по упрощенной системе налогообложения (при любом выбранном объекте) в зависимости от категорий налогоплательщиков и видов экономической деятельности.

С 2017 г. смягчены условия использования упрощенной системы налогообложения, введены налоговые каникулы по НДС для определенных категорий самозанятых (с 2021 г. после проведения эксперимента официально введен налог на профессиональный доход (НПД)).

В сфере повышения доступности кредитования для субъектов МСП в период 2016–2018 гг. были также приняты новые решения³:

- предоставление кредитов по ставке не выше 6,5% на инвестиционные (до 10 лет) и оборотные (до 3 лет) цели для субъектов МСП в приоритетных отраслях, а также микрозаймов через государственные микрофинансовые организации (не более 3 млн руб. до 3 лет);
- субсидирование процентной ставки по лизинговым сделкам за счет средств федерального бюджета.

В аспекте анализа влияния различных финансовых и нефинансовых мер поддержки на деятельность субъектов МСП в исследовании авторов из РАХиГС и НИУ ВШЭ [2] приводится их традиционное разграничение на прямые и косвенные меры. Под прямыми мерами (квоты в государственных закупках, льготные кредиты, субсидии, гранты) понимается применение тех методов регулирования, которые предполагают прямое перераспределение денежных средств между субъектами МСП, а под косвенными – меры, направленные на формирование среды предпринимательства. Опираясь на лучшие зарубежные практики, авторы исследования отдают предпочтение косвенным мерам, обеспечивающим формирование так называемых предпринимательских экосистем, обеспечивающих развитие инфраструктуры и лучшие условия для бизнеса.

Для решения определенных задач подобная классификация мер поддержки оправдана. Вместе с тем положительные результаты от применения большинства подобных косвенных мер поддержки зависят от национальных факторов внешней среды предпринимательства и системы регулирования в целом. И только с некоторой долей уверенности можно утверждать, что достигнутые результаты, например, в виде роста инновационной или экспортной активности предприятий, напрямую связаны с той или иной формой косвенной поддержки.

В целом обращает на себя внимание использование в нормативно-правовом поле и в научной литературе термина «поддержка». Его приемлемость, учитывая набор элементов системы развития малого и среднего предпринимательства до 2020 г., не вызывает возражений. Однако среднесрочные цели национального проекта или краткосрочные цели антикризисного регулирования предполагают использование политических инструментов, которые выходят за рамки собственно поддержки и в отличие от них оказывают существенное влияние на изменение соотношения общих затрат и выгод экономических субъектов в краткосрочном периоде.

³ Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер (утв. Минэкономразвития России).
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314301/0ecf13266f1f29ef3f54f794579cb1cced444b9a/

Для анализа условий и последствий выбора методов государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, нацеленных на достижение показателей (индикаторов) национального проекта, представляется важной альтернативная классификация методов государственного регулирования. Поэтому в ходе дальнейшего анализа будем исходить из того, что денежная или неденежная формы не определяют характер метода регулирования. Идентификация инструмента косвенного влияния предполагает одновременное соблюдение трех условий [5]:

- имеется четкая цель применения инструмента;
- инструмент непосредственно влияет не на общие, а дополнительные затраты и выгоды экономических субъектов;
- стимулирование субъектов к выбору решения происходит на основе изменения их оценки сравнительных преимуществ, самостоятельного определения количественных параметров производства, продаж или потребления в новых условиях, создаваемых применением инструмента.

Например, к инструменту косвенного влияния в рамках рассмотренной классификации можно отнести льготу (по кредиту, налогу) только в том случае, если экономический субъект выбирает определенные регулятором направления поведения или принимает предлагаемые условия деятельности. В то же время разрешение, запрещение, прямая финансовая поддержка (субсидии, льготы) воздействуют на соотношение общих затрат и выгод и должны пониматься как инструменты прямого влияния. В данной классификации прямые и косвенные методы объединяет их направленность на достижение конкретной задачи.

Рассуждая в этом направлении, следует заметить, что среди перечисленных ранее мер нефинансовой и финансовой поддержки субъектов МСП, которые применялись в 2016–2019 гг., ни один инструмент прямого и косвенного влияния не был непосредственно направлен на увеличение численности наемных работников на предприятиях малого и среднего бизнеса. В то же время такие меры прямого влияния на индивидуальных предпринимателей и самозанятых, как налоговые каникулы должны были способствовать их количественному росту уже в краткосрочном периоде, поскольку стимулировали занятость в формальном секторе экономики и создавали условия для выживаемости бизнеса. В течение 2015–2016 гг. соответствующие законы о налоговых каникулах были приняты в подавляющем большинстве регионов⁴, хотя оценка реальных масштабов предоставления этих льгот в регионах требует отдельного исследования.

В отношении скорости (времени) возникновения позитивного эффекта для занятости следует отметить, что она зависит не столько от того, к какой группе методов регулирования относится тот или иной инструмент (прямой или

⁴Налоговые каникулы для индивидуальных предпринимателей в субъектах Российской Федерации.
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190568/

косвенный), а от степени его адресности и силе влияния на изменение соотношения затрат и выгод, учитываемых при выборе направления поведения.

Формирование и развитие инфраструктуры для поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, меры в области подготовки и повышения квалификации кадров как методы косвенного воздействия (в традиционной классификации) обычно рассчитаны на положительные результаты в форме акселерации или выживаемости бизнеса в среднесрочной (3–5 лет) и долгосрочной перспективе. Эти меры, как и другие денежные и неденежные инструменты поддержки, не направленные непосредственно на обеспечение занятости, должны тем не менее положительно сказываться на ее показателях. Однако подобный косвенный эффект будет сведен к минимуму в условиях действия факторов, негативно влияющих на расширение производства и численности работников.

Будучи гипотетическим, последнее замечание требует анализа показателей изменения занятости в секторе малого и среднего предпринимательства в 2016–2019 гг.

Сложно не согласиться с утверждением авторов исследования, согласно которому анализ сектора МСП затрудняется отсутствием в открытом доступе актуальных данных, различиями и изменениями в методиках расчета ряда показателей [6, с. 5].

Действительно, показатель численности работников, занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, отличается по значению в зависимости от источника информации.

Федеральная налоговая служба с 2016 г. публикует данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе предоставляя информацию о значении на определенную дату показателя среднесписочной численности работников, которые заняты на предприятиях, созданных индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами (*рис. 1*).

Согласно данным Федеральной налоговой службы численность занятых у всех субъектов малого и среднего предпринимательства сократилась с 10 февраля 2017 г. по 10 февраля 2020 г. на 524,9 тыс. чел. Отрицательный результат был обусловлен сокращением численности работников малых (на 1 218,6 тыс. чел.) и средних (на 272,3 тыс. чел.) предприятий. В этот же период наблюдался прирост работников на микропредприятиях (965,8 тыс. чел.), в том числе на созданных индивидуальными предпринимателями (172,3 тыс. чел.).

Изменения повлияли на структуру занятости по категориям субъектов малого и среднего предпринимательства (*рис. 2*). В начале 2020 г. большинство работников было занято на микропредприятиях (49%) и малых предприятиях (40%). Доля работников на созданных индивидуальными предпринимателями

микропредприятиях составила 22,7%, на малых предприятиях – 11,8% от общего числа работников соответствующих предприятий.

Важно учитывать, что данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства не содержат сведений о работниках, занятых у субъектов малого и среднего предпринимательства, относящихся в соответствии со ст. 4 Федерального закона № 209-ФЗ к вновь зарегистрированным индивидуальными предпринимателями и созданным юридическим лицам. Исследователи обращают внимание также на то, что размещаемые данные актуализируются с временным лагом, а удаление из реестра субъектов МСП, прекративших деятельность, происходит в августе текущего года [7, с. 79].

Альтернативным источником информации служат результаты выборочных обследований, в соответствии с которыми Росстат публикует данные о среднегодовой численности занятых на микропредприятиях, малых предприятиях и в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности. При этом к занятым в этой сфере по методике Росстата относятся сами предприниматели, наемные работники, помогающие члены семьи, партнеры.

Несмотря на различающиеся значения показателей занятости по информации Федеральной налоговой службы и Росстата за 2017–2019 гг., выявляемые анализом направления изменений занятости аналогичны (*рис. 3*).

По отношению к 2017 г. в 2019 г. средняя численность работников снизилась на малых предприятиях (на 694,2 тыс. чел.) и выросла на микропредприятиях (на 48,5 тыс. чел.). Данные за более длительный период также отражают эти закономерности. В 2019 г. число занятых на малых предприятиях было меньше на 854,3 тыс. чел. Значения 2014 г., а на микропредприятиях – на 450,7 тыс. чел. больше. Однако самое значительное и положительное изменение численности занятых произошло в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности (увеличение на 1 129,2 тыс. чел.).

Во многих публикациях отмечается, что наибольшие годовые потери занятость в секторе малого и среднего предпринимательства понесла в 2019 г.: число занятых снизилось на 0,5 млн чел. – до 18,8 млн чел. В качестве негативных факторов для предпринимательства экономисты называют повышение ставки НДС, введение онлайн-касс, ужесточение контроля со стороны Федеральной налоговой службы, отсутствие весомого роста доходов населения [8, с. 279]. Отметим также введение обязательной маркировки на ряд товаров в 2019 г., но оно разнонаправленно могло повлиять на занятость как в связи с уходом в тень недобросовестных поставщиков и продавцов, так и в силу необходимости сокращения неформальной деятельности и дополнительных возможностей для легального бизнеса. Активная регистрация индивидуальных предпринимателей могла быть вызвана их легализацией в условиях усиления контроля со стороны Федеральной налоговой службы и

ужесточения требований коммерческих банков при оформлении кредита. И если учитывать не только сокращение численности работников предприятий, но и рост числа занятых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности на 798,2 тыс. чел., то нет оснований делать вывод об отрицательном изменении показателя занятости в секторе малого и среднего предпринимательства в 2019 г.

Резюмируя отмеченное, следует констатировать, что дополнительные меры поддержки не привели в период 2016–2019 гг. к увеличению общей численности занятых работников на предприятиях. Необходимость сокращения налоговых выплат и общехозяйственных затрат в условиях низкого конечного спроса вызвало снижение занятости на малых и средних предприятиях в связи с их ликвидацией или преобразованием, тенденцию к росту занятых на микропредприятиях, в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности, а также в неформальном секторе. Этому процессу не могли противодействовать инструменты государственной поддержки, поскольку мягкие условия налоговых режимов были адресованы в основном микробизнесу, индивидуальным предпринимателям и самозанятым.

В соответствии с задачами исследования далее следует выяснить, насколько такие акценты в мерах поддержки способствовали достижению цели национального проекта по росту занятости в сфере малого и среднего предпринимательства.

В качестве интегрированного количественного индикатора эффективной реализации проекта Правительство Российской Федерации рассматривает рост общей численности занятых в сфере МСП (*табл. 1*) с 22,2 млн чел. в 2019 г. до 23 млн чел. в 2024 г. (первоначальная цель – 25 млн чел.) и 25 млн чел. к 2030 г.⁵

Обращает на себя внимание, во-первых, приведенное в проекте фактическое значение показателя занятости в 2019 г., превышающее любые экспертные оценки, а во-вторых, незначительное целевое увеличение численности работников в расчете на одного субъекта МСП с 3,13 до 3,16 чел. на одно предприятие в период 2019–2024 гг. По расчетам на основе данных Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, значение показателя численности работников в расчете на одного субъекта МСП было ниже целевого: в 2019 г. оно составило 2,62, в 2020 г. – 2,72. По данному показателю Россия в 2019 г. входила в десять стран с наименьшим значением при среднем показателе в странах ОЭСР 5,07 чел. на одну фирму [3, с. 66].

Ряд экономистов считают заявленное в национальном проекте увеличение занятости весьма амбициозной целью, особенно учитывая рост численности неформально занятых по найму и индивидуальных предпринимателей в период 2008–2018 гг. с 13,8 млн до 20,1 млн чел. [6, с. 6, 16]. Согласно достаточно распространенному

⁵ Ряд количественно выраженных целей проекта, сформированных в 2018 г., был пересмотрен в сентябре 2021 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

мнению в литературе, современная институциональная база регулирования и контроля буквально толкает субъектов предпринимательства за границы официальной экономики [9, с. 619]. Дополняет картину антистимулов к официальной занятости встречающаяся в научных работах оценка воздействия институтов российского рынка труда на работающих по найму: незначительный размер пособий по безработице заставляет безработных вернуться к любой доступной работе, включая работу в форме неформальной занятости [10, с. 109].

Между тем, согласно методике национального проекта численность занятых в сфере МСП рассчитывается как сумма наемных работников у индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, числа индивидуальных предпринимателей и плательщиков НПД (зарегистрированных самозанятых)⁶. Включение в сектор малого и среднего предпринимательства самозанятых упрощает достижение цели по занятости при условии, что сработают механизмы их вывода из тени.

Несмотря на распространение нестандартной занятости в российской экономике, только с 2016 г. Правительство Российской Федерации стало принимать меры к признанию законной деятельности без образования юридического лица [11, с. 96], а в 2019 г. в рамках эксперимента по введению НПД стало очевидно, что эти условия налогообложения стимулируют легализацию деятельности самозанятых даже при медленном росте числа плательщиков налога [12, с. 82].

Уже в начале 2020 г. при принятии в расчет тенденции к росту численности официально занятых в сферах индивидуальной предпринимательской деятельности и самозанятости возможность достижения цели национального проекта не должна была казаться сильно переоцененной.

Из этого не следует, что сокращение или стагнация занятости на малых и средних предприятиях перестает быть значимой проблемой. Как и многие авторы релевантных исследований, для выяснения причин этой проблемы обратимся к данным опросов, которые проводит Росстат среди руководителей малых предприятий, в частности – в обрабатывающих производствах (*рис. 4*).

На *рис. 4* не отражена негативная значимость для производства такого фактора, как несовершенство нормативно-правовой базы: на протяжении рассматриваемого периода (2016–2020 гг.) этот фактор отмечали менее 10% респондентов. Но несмотря на улучшение формальных условий регистрации, на снижение административного давления, остается дифференциация этих условий и количества необоснованных проверок по регионам, что определяет консервацию неформальной занятости и недоверие предпринимателей к системе государственного регулирования. Исследователями выявлена значимая отрицательная связь между

⁶ Методика расчета показателя «численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей» национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.04.2019-N-239/>

числом экономических преступлений в регионе и предпринимательской активностью, которая объясняется реакцией на угрозу личной безопасности и безопасности бизнеса со стороны как криминальных структур, так и контролирующих органов [13, с. 21].

Результаты опросов, проводимых Росстатом, показывают, что для малых предприятий основными и постоянными факторами, препятствующими росту производства в 2016–2020 гг., были ограничения спроса и высокий уровень налогообложения (по-видимому, отражающий также оценку ставки страховых взносов). Фактор неопределенности экономической ситуации имел существенное значение для респондентов после 2013 г. и определяющее – во время кризисных явлений в 2015 и 2020 гг.

Результаты опросов подтверждают выдвинутую гипотезу в части доминирующего значения факторов внешней среды предпринимательской деятельности (спрос на продукцию, макроэкономическая ситуация, налоговое законодательство) для принятия решений в сфере производства и занятости на уровне не только малых, но и средних предприятий. Поэтому большинство мер поддержки субъектов МСП, реализуемых в 2016–2019 гг., объективно не могли дать ощутимых результатов в плане развития, выполняя именно поддерживающую функцию. И тем более они оказались недостаточными в условиях кризиса 2020 г.

Подробный анализ последствий кризиса для субъектов малого и среднего предпринимательства и этапов введения мер регулирования не является предметом данной статьи, тем более что эти проблемы подробно рассмотрены в научной литературе. Но важно понять, какие особенности имели антикризисные инструменты, как они должны были повлиять и влияли на показатели занятости.

Вслед за авторами публикаций отметим, во-первых, что от кризиса, связанного с пандемией, в большей степени пострадал сектор МСП [2, с. 45], и, во-вторых, что акцент в государственной поддержке был сделан на сохранении рабочих мест в наиболее пострадавших видах экономической деятельности [14, с. 48].

Большинство реализованных антикризисных мер имели признаки краткосрочных прямых методов регулирования, не требующих изменения поведения или соблюдения условий, не считая необходимости соответствовать ряду критериев для получения поддержки. От мер организационного характера их отличало существенное влияние на изменение соотношения общих затрат и выгод в целях противодействия снижению занятости.

К налоговым инструментам, соответствующим указанным признакам, относились следующие меры:

- продление сроков уплаты страховых взносов и большинства налогов, отмена планового повышения взносов на обязательное пенсионное и медицинское

страхование для индивидуальных предпринимателей без привлечения наемных работников;

- освобождение от уплаты большинства налогов, сборов и взносов за второй квартал 2020 г.;
- предоставление плательщикам НПД дополнительного налогового капитала (бонуса) в размере 1 МРОТ (12 130 руб.) и субсидии в размере налога, уплаченного за 2019 г.;
- освобождение от налогов субсидий из федерального бюджета.

Среди неналоговых инструментов отметим беспроцентный кредит на выплату заработной платы, кредитные каникулы⁷.

Но кризис инициировал разработку прямых и косвенных инструментов стимулирующего характера, требующих изменения поведения субъектов МСП или необходимости придерживаться определенных условий. Так, для малых и средних предприятий в наиболее пострадавших отраслях условием выделения субсидии в размере МРОТ на одного занятого за апрель и май 2020 г. стало снижение штата работников не более чем на 9%. Условия кредитования по ставке 2% со сроком погашения 1 апреля 2021 г. в целях выплаты заработной платы или рефинансирования ранее взятых кредитов предусматривали возможность списания всего или половины долга, если предприятие сохранит, соответственно, 90 или 80% своего штата.

Эти меры следует отнести к инструментам косвенного регулирования, поскольку они устанавливают условия приобретения прав собственности или отказа от них, воздействуя на соотношение дополнительных затрат и выгод [5, с. 25], симулируя предприятия в направлении цели по сохранению занятости в наиболее пострадавшей части сектора малого и среднего предпринимательства. Причем опрос среди членов РСПП в сентябре – октябре 2020 г. показал, что указанной мерой кредитной поддержки пользовалось почти 40% опрошенных. Но наиболее востребованной и полезной оказалась мера, предоставляющая возможность снижения тарифа страховых взносов с 30 до 15% для той части выплат по заработной плате, которая превышает МРОТ в течение месяца⁸.

Это долгосрочный инструмент для всех субъектов МСП, включенных в реестр. Можно только отчасти согласиться с тем утверждением, что этот инструмент поддержки выигрышно смотрится на перспективу, но в ситуации недостатка платежных средств для многих предприятий не имеет существенного

⁷ Меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики.
URL: http://government.ru/support_measures/

⁸ Доклад Российского союза промышленников и предпринимателей.
URL: <https://media.rspp.ru/document/1/6/b/6b6d743e7a310df19cdeb950c30f9c98.pdf>

поддерживающего эффекта [15, с. 277]. Заметим, что такая мера стимулирует не только сохранение уровня официальной оплаты труда, но также занятости, поскольку сокращает затраты на использование труда как фактора производства на предприятиях с относительно высокой заработной платой.

Учитывались или нет при разработке этого стимулирующего инструмента результаты опросов РСПП, но именно сокращение налоговой нагрузки по страховым взносам наиболее часто называлось в качестве предпочтительных дополнительных мер поддержки бизнеса.

Заслуживает внимания одна из последних введенных антикризисных мер, которая должна позволить в 2021 г. быстрее восстановить численность работников, в том числе в секторе малого и среднего предпринимательства. Суть инструмента косвенного воздействия на занятость заключается в том, что при найме зарегистрированного до начала года 2021 г. безработного работодатель получает несколькими выплатами субсидию в размере трех МРОТ и суммы страховых взносов. Но следует учесть, что такое стимулирование является краткосрочным, и в дальнейшем работодатель будет вынужден при прочих равных условиях нести полные издержки на труд. Поэтому оправдана обеспокоенность многих экономистов возможным снижением финансовой устойчивости и платежеспособности субъектов МСП, уровня занятости после окончания срока действия временных мер поддержки.

Если судить о результатах по данным Федеральной налоговой службы (реестра), то на 10 февраля 2021 г. наблюдался годовой прирост наемных работников почти у всех категорий субъектов малого и среднего предпринимательства, за исключением малых предприятий (*рис. 1*).

Конечно, анализируя эти данные, следует учитывать лаги внесения в реестр сведений о прекративших деятельность организациях. Существует также вероятность того, что предприятия временно нанимали работников для выполнения условий для списания кредитов и получения субсидий.

Косвенным подтверждением более существенных проблем в сфере занятости, чем следует из данных реестра, является выросшее в 2020 г. (с декабря 2019 г. по декабрь 2020 г.) на 960 тыс. чел. число безработных. Обследования Росстата показывают снижение средней численности работников малых предприятий (без микропредприятий) на 508,5 тыс. чел. по итогам 2020 г. В то же время до 1 603,54 тыс. чел. (почти на 1,3 млн чел.) увеличилось количество физических лиц, зарегистрировавших свой статус плательщика НПД⁹.

Эффекты применения антикризисных инструментов, направленных на поддержку занятости в секторе МСП в 2020 г. и в начале 2021 г., можно будет оценить после

⁹ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>

появления уточненных статических данных и итогов экономической переписи малого бизнеса в первом полугодии 2021 г. Однако уже можно констатировать, что не был реализован пессимистический сценарий снижения занятости на несколько миллионов человек и массового ухода в теневую экономику субъектов малого и среднего предпринимательства, вероятность которого рассматривалась в публикациях [7, с. 79]. В то же время сомнения вызывают данные Министерства экономического развития Российской Федерации, согласно которым общее количество занятых в секторе МСП в 2020 г. достигло уровня 22,9 млн чел. за счет самозанятых¹⁰. Этот показатель значительно превышает по значению имеющиеся экспертные оценки и не согласуются с расчетами по информации Росстата и Федеральной налоговой службы (как и данные Министерства экономического развития Российской Федерации о числе занятых в 2019 г. – 22,67 млн чел.).

Проведенный анализ приводит к следующим обобщениям и выводам.

Во-первых, в целом подтвердилась гипотеза исследования. Несмотря на введение после 2015 г. дополнительных мер государственной поддержки, численность работников предприятий сектора малого и среднего предпринимательства в 2016–2019 гг. имела тенденцию к снижению, отражая определяющее влияние факторов внешней среды – неопределенности экономической ситуации и низкого рыночного спроса.

Учитывая результаты анализа, нельзя в полной мере согласиться с причинно-следственными связями, которые прослеживаются в выводах некоторых экономистов о возможности за счет совершенствования институтов поддержки МСП инициировать структурную перестройку и сформировать благоприятную бизнес-среду [16, с. 247]. Альтернативная и более обоснованная точка зрения состоит в том, что значимых результатов в процессе стимулирования развития малого и среднего предпринимательства не удастся достичь не столько из-за институциональных проблем, сколько в силу низкого платежеспособного спроса населения, что не снижает актуальности устранения недостатков в нормативно-правовом регулировании предпринимательства [4, с. 11, 18]. Значимую связь и взаимосвязь между уровнем развития малого бизнеса и уровнем жизни населения как в российской экономике в целом, так и на субфедеральном уровне выявляют эконометрические модели [17, с. 80]. В отношении логики структурных изменений можно сослаться на выводы зарубежных экономистов, согласно которым рост занятости на малых и средних предприятиях является прямым следствием роста производительности труда на крупных предприятиях, который приводит к структурным сдвигам и изменению доли занятости на различных по размеру фирмах [18, с. 17].

¹⁰ Максим Решетников: в 2020 году численность занятых в МСП выросла до 23 млн человек.
URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_v_2020_godu_chislennost_zanyatyh_v_msp_vyroslo_do_23 mln_chelovek.html

Во-вторых, анализ показал, что из всех мер поддержки в 2016–2019 гг. стимулами для роста официальной занятости можно назвать только меры поддержки индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Наряду с ужесточением налогового контроля в 2019 г. они ощутимо изменили соотношение затрат и выгод деятельности в неформальном секторе. Но условия налогообложения и акцент на стимулировании только определенных категорий субъектов малого и среднего предпринимательства служат одновременно барьерами для расширения бизнеса: из микропредприятий не образуются малые, а они в свою очередь не переходят в разряд средних предприятий. Структурные изменения в направлении роста занятости на микропредприятиях могут быть отражением возможностей снижения предпринимательских рисков и оптимизации налоговых платежей за счет дробления бизнеса в формальных или деловых целях.

В краткосрочном периоде антистимулом к увеличению занятости на малых предприятиях способна выступить отмена с начала 2021 г. ЕНВД. Применение этого налога давало возможность индивидуальным предпринимателям и малому бизнесу минимизировать налоговые выплаты, в том числе уменьшать сумму налога на размер страховых взносов. Для предприятий, которые перейдут на упрощенную систему налогообложения, рационально смягчить возможный шок от роста налоговой нагрузки. Для этой цели у регионов есть право снижать ставки налогов.

Чтобы рост численности занятых или оборота малых предприятий не сталкивался с антистимулами в виде возможности потери налоговых, кредитных льгот, в перспективе потребуются пересмотр критериев отнесения экономических субъектов к различным по размеру предприятиям. В зарубежных странах критерии отнесения к субъектам МСП различаются в зависимости от видов экономической деятельности и/или отраслей, что позволяет увеличить степень адресности поддержки [19, с. 142]. В настоящее время в России повышенное значение среднесписочной численности работников установлено только для средних предприятий легкой промышленности (1 000 чел.).

В-третьих, проведенный анализ приводит к выводу, что именно неформальный сектор в условиях низкой инвестиционной и потребительской активности – основной и вполне достаточный источник для достижения национальной цели по численности занятых в секторе малого и среднего предпринимательства в среднесрочной перспективе. Может быть, самое важное для российской экономики последствие кризиса 2020 г., помимо начала цифровой трансформации бизнеса, – осознание многими предпринимателями выгод от легализации деятельности и трудовых отношений как условий получения государственной поддержки.

Тем не менее легализация занятости и снижение объемов скрытой оплаты труда потребует дополнительных инструментов косвенного и прямого регулирования, которые бы изменяли поведение экономических субъектов посредством влияния на соотношение выгод и затрат пребывания в неформальном секторе.

Однако характер взаимосвязи уровня заработной платы и занятости является противоречивым и сложным. С одной стороны, экономистами справедливо отмечается, что невысокая оплата труда стимулирует низкоквалифицированный труд и технологическое отставание предприятий [20, с. 406]. С другой стороны, высокие затраты на использование труда при слабых механизмах контроля в лице государственных органов и профсоюзов приводят к снижению официальных выплат работникам, расширению неформальной занятости. Именно поэтому помимо стимулов к расширению занятости должны использоваться антистимулы к неформальной деятельности.

В задачи нашего исследования не входит разработка предложений по совершенствованию инструментов регулирования, воздействующих на занятость. В конце концов рост занятости в секторе малого и среднего предпринимательства не является самоцелью. Постепенное повышение потребительской и деловой активности, совершенствование институтов поддержки в перспективе будут способствовать усилению роли сектора МСП в экономике России. Важны характеристики рабочих мест, их создание в сферах деятельности, расширяющих инновационный потенциал экономики, способствующих коммерциализации научных разработок и взаимовыгодному сотрудничеству с крупным бизнесом. Эти результаты возможны в неразрывной связи со структурной, в том числе региональной политикой. Наряду с организационными механизмами поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства потребуются новые адресные стимулирующие инструменты прямого и косвенного влияния. Их отбор, прогнозирование эффектов реализации должны быть основаны на оценках стимулов и антистимулов, которые создавали для субъектов МСП, применявших ранее инструменты регулирования.

Таблица 1**Плановые показатели национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»****Table 1****Planned indicators of the National Project *Small and Medium-sized Businesses and Support of Individual Entrepreneurial Initiatives***

Плановый показатель (индикатор)	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Численность занятых в сфере МСП, включая индивидуальных предпринимателей, млн чел.	22,2	21,16	21,97	22,31	22,66	23
Количество самозанятых граждан, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», накопленным итогом, млн чел.	0,3	1,2	1,6	1,8	2	2,1
Численность работников в расчете на один субъект МСП	3,13	3,03	3,09	3,11	3,13	3,16

Источник: Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL:

https://www.economy.gov.ru/material/file/65c7e743dffadf1f3f3a8207e31a0d99/Passport_NP_MSP.pdf

Source: Passport of the National Project *Small and Medium-sized Businesses and Support of Individual Entrepreneurial Initiatives*.

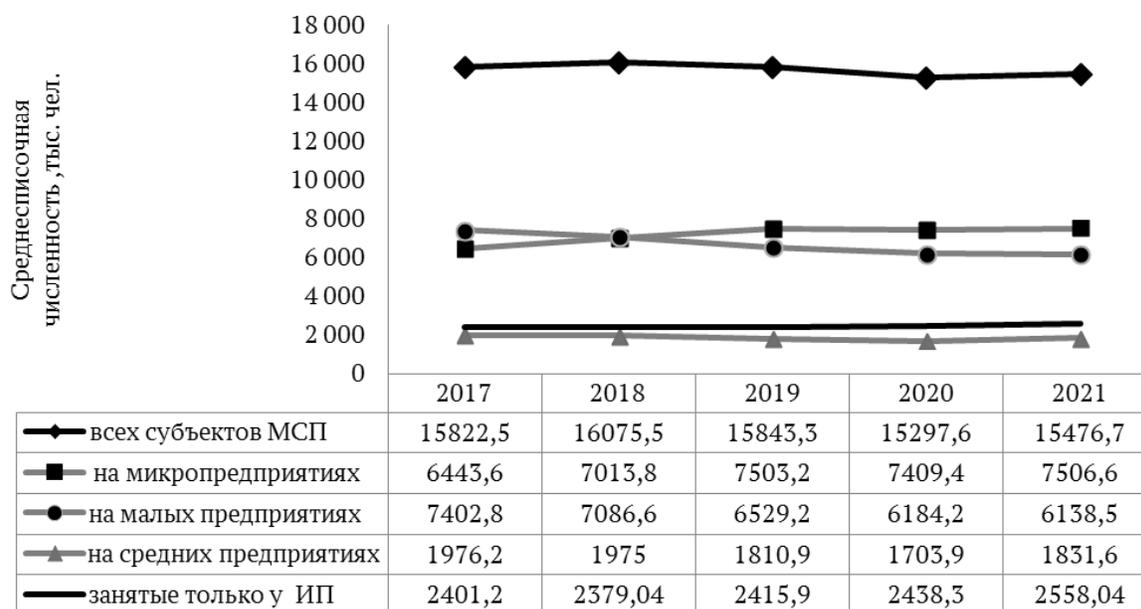
URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/65c7e743dffadf1f3f3a8207e31a0d99/Passport_NP_MSP.pdf

Рисунок 1

Среднесписочная численность работников малых и средних предприятий в 2017–2021 гг. (на 10 февраля соответствующего года), тыс. чел.

Figure 1

Average number of employees of small and medium-sized enterprises in 2017–2021 (as of February 10th of the relevant year), thousand people

Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.
URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>

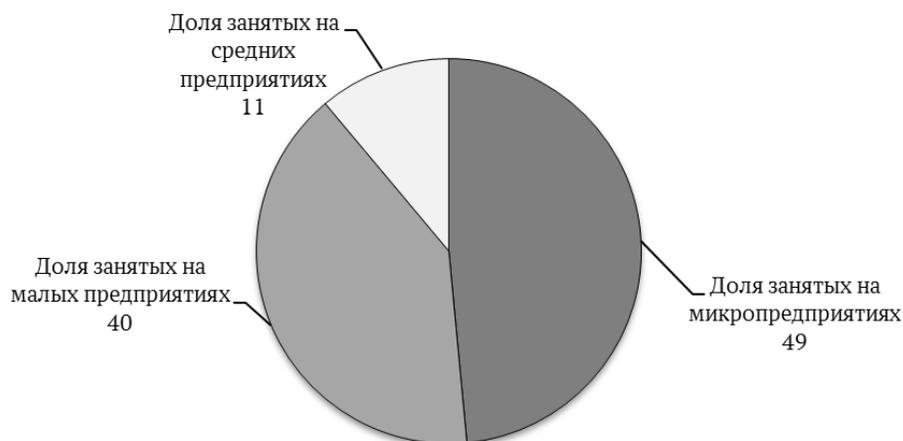
Source: Unified Register of Small and Medium-sized Business Entities.
URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>

Рисунок 2

Доля наемных работников в зависимости от размера предприятия, на 10 января 2020 г., %

Figure 2

Percentage of employees, depending on the size of enterprise, as of January 10, 2020

Источник: авторская разработка по данным Федеральной налоговой службы

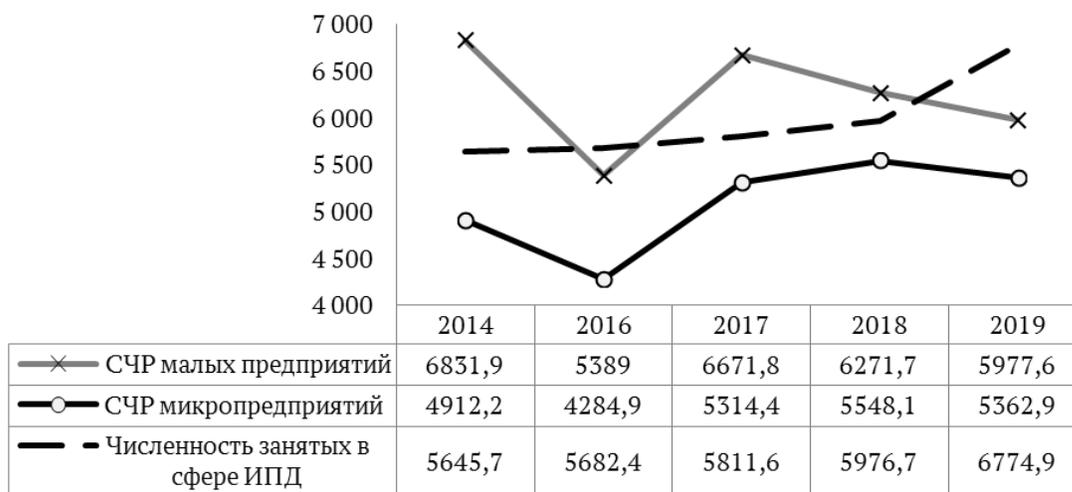
Source: Authoring, based on the Federal Tax Service data

Рисунок 3

Средняя численность работников в секторе малого предпринимательства по данным обследований Росстата в 2014–2019 гг., тыс. чел.

Figure 3

Average number of employees in the small business sector, according to the Rosstat surveys in 2014–2019, thousand people

Источник: Институциональные преобразования в экономике. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036>

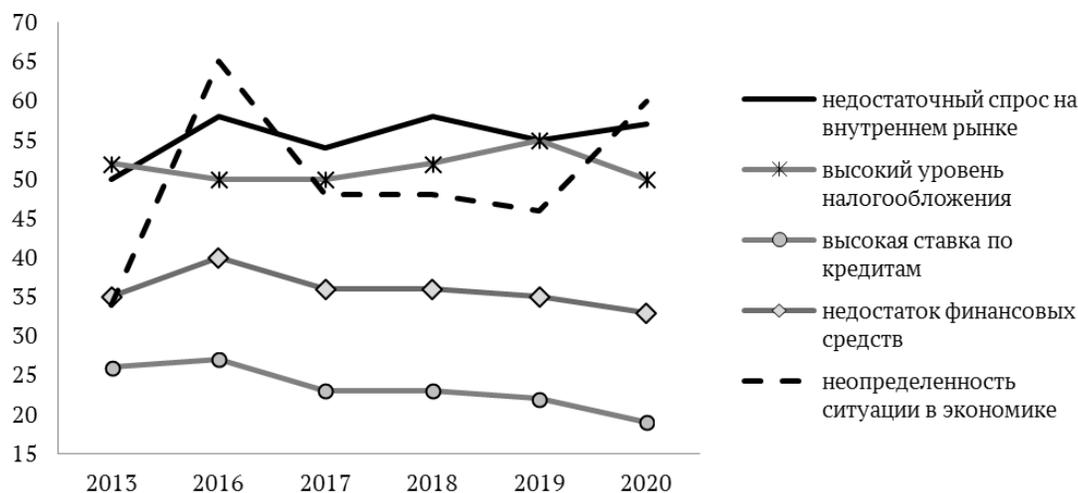
Source: Institutional Transformation in the Economy. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036>

Рисунок 4

Факторы ограничения роста производства малых предприятий в обрабатывающих производствах в 2013–2020 гг. (второй квартал соответствующего года), %

Figure 4

Factors limiting the growth of small enterprises production in manufacturing industries in 2013–2020 (2nd quarter of the relevant year), percentage

Источник: Основные показатели деловой активности малых предприятий (без микропредприятий). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036>

Source: Key indicators of business activity of small enterprises (excluding microenterprises). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036>

Список литературы

1. *Земцов С.П.* Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 2. С. 168–180.
URL: https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/Zemtsov_NEA-2-2020.pdf
2. *Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Баринова В.А., Красносельских А.Н.* Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // *Вопросы экономики*. 2020. № 10. С. 44–67.
URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/409676774.pdf>
3. *Баринова В.А., Земцов С.П.* Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // *Вопросы статистики*. 2019. Т. 26. № 6. С. 55–71.
URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/925>
4. *Белоусов А.Л.* Аудит мер поддержки малого и среднего предпринимательства // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14. № 1. С. 5–21.
URL: <http://apel.ieml.ru/archive/show/9949>
5. *Карташова О.И., Муравьев С.Р., Бодня М.С.* Методы прямого и косвенного регулирования экономики: критерии идентификации и результаты применения // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 10. С. 20–29.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-pryamogo-i-kosvennogo-regulirovaniya-ekonomiki-kriterii-identifikatsii-i-rezultaty-primeneniya>
6. *Антонова М.П., Баринова В.А., Громов В.В. и др.* Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: Дело, 2020. 88 с.
7. *Земцов С.П., Царева Ю.В.* Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // *Экономическое развитие России*. 2020. Т. 27. № 5. С. 71–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sektora-malyh-i-srednih-predpriyatij-v-usloviyah-pandemii-i-krizisa>
8. *Абрамов А.Е., Авдоница А.М., Авксентьев Н.А. и др.* Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. Вып. 41. М.: Институт Гайдара, 2020. 632 с.
9. *Степанов Н.С.* Институциональное развитие малого предпринимательства как один из элементов структурной модернизации российской экономики в формировании новой модели развития // *Экономика и предпринимательство*. 2018. № 5. С. 613–620.
URL: https://www.researchgate.net/publication/337679182_Institucionalnoe_razvitie_malogo_predprinimatelstva_kak_odin_iz_elementov_strukturnoj_modernizacii_Rossijskoj_ekonomiki_v_formirovanii_novoj_modeli_razvitiya

10. *Бессонова Е.В., Морозов А.Г., Турдыева Н.А., Цветкова А.Н.* Возможности ускорения роста производительности труда: роль малых и средних предприятий // *Вопросы экономики*. 2020. № 3. С. 98–114.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-3-98-114>
11. *Карпова Т.Ю., Арбаев Г.Э.* Самозанятость в Российской Федерации: проблемы и пути развития // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. № 6. С. 95–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-puti-razvitiya>
12. *Нестеренко Ю.Н., Протасова Е.А.* Самозанятость в России: состояние и потенциал развития // *Народонаселение*. 2019. Т. 22. № 4. С. 78–89.
URL: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00040>
13. *Баринова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.* Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // *Вопросы экономики*. 2018. № 6. С. 92–116. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-92-116>
14. *Виленский А.В.* Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020. № 4. С. 46–57.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-nachale-koronavirusnogo-krizisa-federalnyy-i-regionalnyy-aspekty>
15. *Козырев А.В.* Меры по поддержке малого бизнеса в кризисных условиях: международный опыт и российская практика // *Экономика, предпринимательство и право*. 2021. Т. 11. № 2. С. 267–284. URL: <https://1economic.ru/lib/111633>
16. *Степанов Н.С.* Почему не работают институциональные механизмы поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии (коронавирусной инфекции) // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2020. № 3. С. 243–247.
URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/352/yekonomicheskije-nauki/pochemu-ne-rabotayut-institucionalnye-me.html>
17. *Басарева В.Г.* Малый бизнес в системе мер восстановления траектории экономического роста // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 5. С. 79–87.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-biznes-v-sisteme-mer-vozstanovleniya-traektorii-ekonomicheskogo-rosta>
18. *Фальцман В.К.* Проблемы прогнозирования малого и среднего бизнеса // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 1. С. 16–22.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prognozirovaniya-malogo-i-srednego-biznesa>

19. *Баринаева В.А., Земцов С.П., Кнобель А.Ю., Лоценкова А.Н.* Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России. М.: Институт Гайдара, 2019. 308 с.
20. *Федорова Т.А., Ломовцев Д.А., Потворов А.И.* Анализ эффективности реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» // *Экономический анализ: теория и практика*. 2021. Т. 20. Вып. 3. С. 396–415.
URL: <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.396>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

INCENTIVES AND DISINCENTIVES FOR EMPLOYMENT GROWTH IN THE RUSSIAN SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISE SECTOR

Sergei R. MURAV'EV

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Astrakhan Branch,
Astrakhan, Russian Federation
smuraviev@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4398-8381>

Article history:

Article No. 294/2021
Received 17 May 2021
Received in revised form
28 May 2021
Accepted 9 June 2021
Available online
29 June 2021

JEL classification: H32,
M21, O15, O17

Keywords: small and
medium-sized business,
support measure,
incentive, disincentive

Abstract

Subject. I investigate the specifics of the State support impact on changes and structure of employment in the Russian sector of small and medium-sized businesses.

Objectives. The aim is to identify factors and conditions that have a stimulating and limiting effect on changes in employment indicators in the said sector.

Methods. The hypothesis of the study is that the change in the formal employment scale in the medium-term is determined by factors in the external business environment and the costs-benefits ratio of activities in the informal sector. To test the hypothesis, I perform a comparative analysis of scientific research results, study the data of the Federal Tax Service of Russia, and surveys of small businesses. The article employs the classification of business regulation methods, which can be divided into support measures and incentive instruments of direct and indirect influence.

Results. The analysis confirmed the hypothesis in general, and made it possible to identify the factors of the dynamics and restructuring of employment. During 2016–2019, insufficient market demand and high degree of risk influenced the dynamics of the number of employees of SMEs more than indirect effects of government support measures. Public policy instruments stimulating employment were targeted, primarily, at sole proprietors and self-employed. In 2020, the government used new instruments to encourage and support employment, which proved to be efficient.

Conclusions. It seems realistic to achieve the national target of the number of employed in the considered sector by 2024.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Murav'ev S.R. Incentives and Disincentives for Employment Growth in the Russian Small and Medium-Sized Enterprise Sector. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2021, vol. 20, iss. 6, pp. 1151–1176.
<https://doi.org/10.24891/ea.20.6.1151>

References

1. Zemtsov S.P. [Institutions, entrepreneurship, and regional development in Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2020, no. 2, pp. 168–180.

- URL: https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/Zemtsov_NEA-2-2020.pdf
(In Russ.)
2. Zemtsov S.P., Chepurenko A.Yu., Barinova V.A., Krasnosel'kikh A.N. [New entrepreneurship policy in Russia after the 2020 crisis]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 10, pp. 44–67.
URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/409676774.pdf> (In Russ.)
 3. Barinova V.A., Zemtsov S.P. [International Comparative Analysis of the Role of Small and Medium-Sized Enterprises in the National Economy: A Statistical Study]. *Voprosy Statistiki*, 2019, vol. 26, no. 6, pp. 55–71.
URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/925> (In Russ.)
 4. Belousov A.L. [Audit of support measures for small and medium-sized businesses]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 5–21. URL: <http://apel.ieml.ru/archive/show/9949> (In Russ.)
 5. Kartashova O.I., Murav'ev S.R., Bodnya M.S. [Methods of direct and indirect regulation of economy: Criteria of identification and results of application]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2013, no. 10, pp. 20–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-pryamo-i-kosvenno-regulirovaniya-ekonomiki-kriterii-identifikatsii-i-rezultaty-primeneniya> (In Russ.)
 6. Antonova M.P., Barinova V.A., Gromov V.V. et al. *Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii v kontekste realizatsii natsional'nogo proekta* [The development of small and medium-sized entrepreneurship in Russia in the context of national project implementation]. Moscow, Delo Publ., 2020, 88 p.
 7. Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. [Development trends of small and medium-sized enterprises amid pandemic-induced crisis]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*, 2020, vol. 27, no. 5, pp. 71–82.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sektora-malyh-i-srednih-predpriyatiy-v-usloviyah-pandemii-i-krizisa> (In Russ.)
 8. Abramov A.E., Avdonina A.M., Avksent'ev N.A. et al. *Rossiiskaya ekonomika v 2019 godu. Tendentsii i perspektivy. Vyp. 41* [Russian Economy in 2019. Trends and Outlooks. Issue 41]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2020, 632 p.
 9. Stepanov N.S. [Institutional development of small business, as one of the elements of structural modernization of the Russian economy, in the creation of a new development model]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2018, no. 5, pp. 613–620.
URL: https://www.researchgate.net/publication/337679182_Institucionalnoe_razvitie_

- malogo_predprinimatelstva_kak_odin_iz_elementov_strukturnoj_modernizacii_Rossijskoj_ekonomiki_v_formirovanii_novoj_modeli_razvitiya (In Russ.)
10. Bessonova E.V., Morozov A.G., Turdyeva N.A., Tsvetkova A.N. [Opportunities for accelerating labor productivity growth: The role of small and medium enterprises]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 3, pp. 98–114. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-3-98-114>
 11. Karpova T.Yu., Arbaev G.E. [Self-employment in Russian Federation: Problems and development strategy]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2017, no. 6, pp. 95–98.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-puti-razvitiya> (In Russ.)
 12. Nesterenko Yu.N., Protasova E.A. [Self-employment in Russia: State and potential for development]. *Narodonaselenie = Population*, 2019, vol. 22, no. 4, pp. 78–89. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00040>
 13. Barinova V.A., Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. [Entrepreneurship and institutions: Does the relationship exist at the regional level in Russia?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 6, pp. 92–116. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-92-116>
 14. Vilenskii A.V. [Russian small and medium-sized businesses at the beginning of the coronavirus crisis: Federal and regional aspects]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2020, no. 4, pp. 46–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-nachale-koronavirusnogo-krizisa-federalnyy-i-regionalnyy-aspekty> (In Russ.)
 15. Kozyrev A.V. [Measures to support small businesses in crisis conditions: International experience and Russian practice]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 267–284. URL: <https://1economic.ru/lib/111633> (In Russ.)
 16. Stepanov N.S. [Why the institutional mechanisms of support of small and medium entrepreneurship in the context of pandemic (coronaviruses infection) do not work]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, 2020, no. 3, pp. 243–247. URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/352/yekonomicheskie-nauki/pochemu-ne-rabotayut-institucionalnye-me.html> (In Russ.)
 17. Basareva V.G. [Small businesses in a system of measures aimed at recovering the trajectory of economic growth]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2017, no. 5, pp. 79–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-biznes-v-sisteme-mer-vosstanovleniya-traektorii-ekonomicheskogo-rosta> (In Russ.)

18. Fal'tsman V.K. [Problems of forecasting of small and medium-sized businesses]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2019, no. 1, pp. 16–22.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prognozirovaniya-malogo-i-srednego-biznesa> (In Russ.)

19. Barinova V.A., Zemtsov S.P., Knobel' A.Yu., Loshchenkova A.N. *Malyi i srednii biznes kak faktor ekonomicheskogo rosta Rossii* [Small and medium-sized business as a factor of economic growth in Russia]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2019, 308 p.

20. Fedorova T.A., Lomovtsev D.A., Potvorov A.I. [Analyzing the efficiency of the national project "Labor Productivity and Support to Employment" implementation]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2021, vol. 20, iss. 3, pp. 396–415. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.396>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.